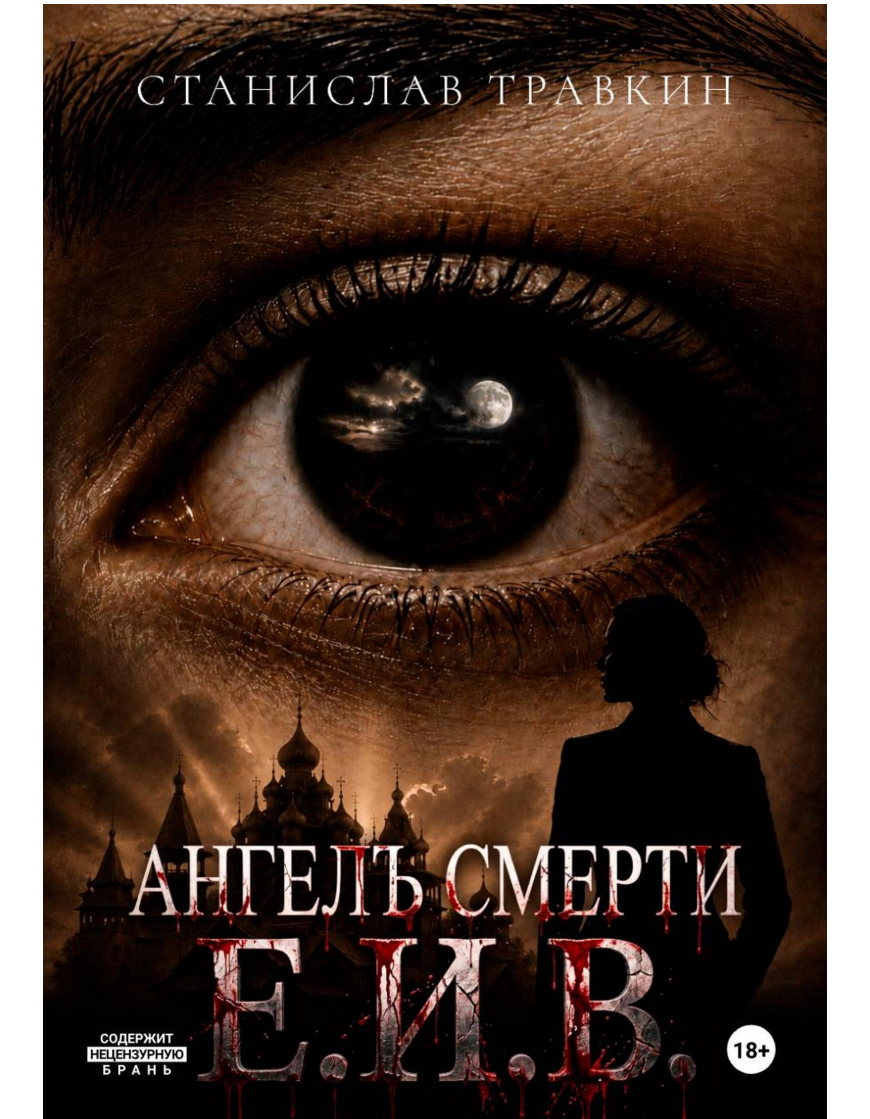

СТАНИСЛАВ ТРАВКИН

АНГЕЛЪ СМЕРТИ

Е.И.В.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Станислав Травкин

Ангел смерти Е.И.В.

<https://litres.ru/74256338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Действие романа разворачивается на фоне переломной эпохи - от заката Российской империи до первых лет советской власти.

В центре сюжета - женщина, у которой много имен, но для всех она просто Анна. Живое воплощение силы и тайны.

Она приходила стремительно. Как удар. Как выстрел, который слышат уже после того, как все кончилось. Меняла реальность и приносила с собой плотную оглушающую тишину, в которой тонули последние крики.

Гениальность этого произведения в уникальном сплаве. Это и захватывающий исторический триллер с элементами мистики, и философская притча о природе силы, предназначении и одиночестве, и пронзительная литературная экскурсия в мир великих русских поэтов и авантюристов.

Содержание

1	4
2	10
3	13
4	17
5	20
6	23
7	27
8	30
9	33
10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Станислав Травкин

Ангел смерти Е.И.В.

1

В приемную вошла девушка. Городской голова, борода-тый мужчина средних лет в мундире со следами былой ще-голеватости, на мгновение поднял глаза от бумаг и замер. Его взгляд, привыкший к купцам и чиновникам, скользнул по незнакомке в дорогом костюме, задержался на четких ли-ниях черной жилетки, распахнутом вороте алой, как рассвет или закат, рубашки и, наконец, встретился с ее взглядом. В глазах мужчины читалась смесь неодобрения и невольного любопытства.

— Чем могу служить? — Голос его прозвучал несколько сухо и официально, но без привычной начальнической гру-боватости. Он явно пытался понять, кто перед ним: сума-сбродная барышня из «столичных», каких еще ни разу не за-носило в эту глушь, или что-то иное... Его пальцы тихонь-ко постукивали по столешнице дубового письменного стола, заваленного документами и папками с гербовыми печатями. Воздух в комнате был густым: запахи табака, пыли и дегтя от сапог смешивались, создавая тяжелую, удушливую, почти осязаемую пелену.

— Добрый день, меня зовут Анна. Анна Энгельгардт. Из самой столицы. — Голос вошедшей был ярким и по-сценически напевным. Не дожидаясь приглашения, девушка отодвинула стул и села. Градоначальник медленно, с видимым усилием кивнул.

— Анна... Энгельгардт, — повторил он, растягивая гласные, вкладывая в произношение какую-то особую тяжесть. — Из столицы. Это... Ничего не проясняет. — Он откинулся на потертую спинку кресла, которое ответило тихим скрипом, и, так же тяжело выговаривая слова, представился: — Федор Игнатьевич. В наших краях барышни появляются крайне редко, да и то проездом с родственниками или мужьями. А Вы... — его взгляд вновь оценивающе скользнул по костюму Анны, — Вы, простите, одна?

Приказчик в смежном кабинете отложил огромную конторскую книгу и затих, затаив дыхание, чтобы не пропустить ни слова. Вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем массивных стенных часов с маятником.

— Одна, любезный Федор Игнатьевич, совершенно одна. Решила отвлечься от городской суеты и путешествую по городам и весям. — Губы Анны тронула легкая, искренняя улыбка. — Я, видите ли, артистка... артистка оригинального жанра. Выступаю с гипнотическими опытами. Организуете мне концерт в вашем городе?

Усы городского головы дрогнули. Слова «артистка» и «гипнотические опыты» прозвучали в душном кабинете как

выстрелы. Приказчик встал со своего места и, подойдя к дверному проему, уставился на посетительницу с немым изумлением, смешанным с суеверным страхом.

— Гипноз? — переспросил Федор Игнатьевич, и его голос стал настороженным. — Это месмеризм, что ли? Вы, барышня, извините за прямоту, но у нас народ простой, богобоязненный. В цирк с медведями, канатоходцами и французской борьбой, может, и сходили бы, а на это... — Градоначальник качнул головой, и его взгляд вдруг сделался совершенно чиновничьим. — Разрешительные документы у Вас имеются? Искусства-то... сомнительные. Да и помещение, — продолжал он, глядя Анне прямо в глаза и стараясь не обращать внимания на её костюм, который явно смущал его, — Народный дом, он, барышня, под богоугодные чтения или патриотические лекции. Для ваших месмерических... «опытов»... не подойдет. Народ-то у нас не столичный, а ну как неправильно поймет? Может, вам в Иркутск?

Провинциальная подозрительность головы уже рисовала в его воображении, как местные купцы и священник идут к нему с жалобами. Сибирский городок Нерехтинск был весьма глухим местом, и любое новшество, тем более такое непонятное и похожее на бесовщину, с высокой долей вероятности могло быть воспринято в штыки.

— Вы так старательно избегаете смотреть на мой костюм, — неожиданно весело рассмеялась Анна, — неужели Вам не нравится? Красивый же. Что до представления, то... упра-

шивать Вас я, разумеется, не стану, но имейте в виду, организовывать «хлеб и зрелища» я могу великолепно, и довольны будут все, включая Вас. А хотите пари? Прямо здесь и сейчас!

Федор Игнатьевич вскинул голову. Его лицо покраснело от гнева, как медный самовар.

— Молодая женщина! Это не место для шуток и... фокусов, а я представитель власти, а не зритель в балагане! Способности Ваши, — произнес голова с явным недоверием, — я под сомнение не ставлю. Однако же применять их здесь считаю неуместным. И смените, ради Бога, манеру разговора, — добавил он сухо и коротко, словно вколачивая гвозди в доску. — У нас ценят почтение к чину и возрасту.

— Вы обиделись? Напрасно... я вовсе не хотела Вас обижать. — На губах девушки снова заиграла улыбка. — Ну ладно. Пойду посмотрю пока на ваш город. — Анна пружинисто встала со стула и пошла к двери. — Ах да... сегодня же головная боль, что так измучила вас, пройдет. Может быть, не сразу, но к вечеру непременно пройдет. На душе станет удивительно тихо и спокойно. И вот тогда, вероятно, вы снова захотите поговорить со мной и вернуть меня в ваш кабинет. Я вовсе не гордая, однако вам придется послать за мной экипаж и оплатить мне мой номер. Это будет небольшой штраф за отсутствие гостеприимства.

Не дожидаясь ответа, Анна вышла из кабинета. Она не злилась и не обижалась на Федора Игнатьевича, но говори-

ла так, будто знала наверняка, как все произойдет. Дверь за странной гостьей мягко закрылась, оставив в кабинете звенящую тишину, нарушаемую все тем же неумолимым тиканьем часов.

Словно очнувшись от забытья, градоначальник вздрогнул и бросил взгляд на стоявшего в дверях приказчика.

— Иван! Ты... Ты слышал?

Приказчик кивнул, не в силах произнести ни слова. Он смотрел на дверь, которую только что закрыла артистка, и в его взгляде читался суеверный ужас.

Федор Игнатьевич снова откинулся на спинку кресла и уставился в потолок. В его ушах еще звучал бархатный и напевный голос незнакомки: «...захотите поговорить со мной и вернуть меня в ваш кабинет...» Он уже хотел. Не из чувства вежливости и не из интереса, но потому что это внезапное дарованное ею спокойствие было таким сладким и желанным, хотя и было куплено ценой его унижения. Градоначальник перевел взгляд на портрет императора. Глаза государя смотрели на него с немим укором, а тишина в душе между тем становилась все более совершенной и соблазнительной.

— Узнай, где она остановилась. В «Сибири» или у Тихомировых... И чтобы потихоньку. Да никому ни слова. Понял? Ни слова.

Приказчик кивнул и выскользнул из кабинета, и городской голова остался один. Он проиграл это странное «пари»,

даже не заключив его. А теперь... теперь придется заплатить.
Экипажем, номером и Бог знает чем еще...

Анна остановилась в трактире у Тихомировых. Она зашла в заведение с одним небольшим дорожным чемоданом так же стремительно, как в здание Городской Управы часом ранее. Вручив свой багаж расторопному половому, гостя опустила за стол, на котором скоро появился почти весь имевшийся в наличии ассортимент: дымящаяся миска со стерляжьей ухой, расстегаи с рыбой и грибами, начищенный до блеска самовар с чаем, миска варенья и бублики. Артистка на столичный манер заказала «всего», не утруждая себя изучением местного меню.

— Уютное у вас место тут, голубчик, — удовлетворенно хмыкнула гостя, аппетитно поглощая простую, но казавшуюся невероятно вкусной с дороги еду.

— Стараемся-с, сударыня. Хозяин наш, Иван Сергеевич, на том и стоит: все продукты наисвежайшие. У нас господа исправник и доктор изволили кушать — ни разу претензий не имели.

— Мм... а чай-то хорош. Не чай — песня, — блаженно закатила глаза девушка. Вдруг в ее взгляде вспыхнул озорной огонек. — А что, милейший, как у вас, к примеру, насчет цыган? Или просто музыки? Танцевать охота, спасу нет!

— Цыган-то... — замялся половой, оглядывая трактирную залу. — Барышня, так время же... Да и таборы у нас не

кочуют. Эдак до ближнего неделю не меньше.

Однако неожиданный вопрос гостыи зажег в его глазах живую искорку. Трактирная жизнь скучна и однообразна, а тут такое событие: барышня-артистка из столицы, да еще в жилетке, да еще цыган требует.

Он понизил голос, наклонившись ближе:

— А вот Петьку-гармониста вызвать могу, только... — половой снова оглянулся, — хозяин может не одобрить. Музыка во время трапезы... Не совсем, чтобы...

Несмотря на осторожную нерешительность, всем своим видом он, казалось, говорил: «Я готов устроить представление, если от вас прольется хоть капля столичной щедрости».

Анна молча достала увесистый бумажник, раскрыла его и припечатала к столу несколько крупных купюр.

— Зови! И шампанского.

Глаза полового расширились до размеров чайных блюдец. Лежащие перед ним купюры были больше, чем его месячное жалованье. Будто опасаясь, что гостыя передумает, он быстро сгрел их, кивнул и буквально вылетел через черный ход за гармонистом.

Тихое послеобеденное болото трактира всколыхнулось. Из-за двери на кухне слышались удивленные возгласы, шарканье ног и звон посуды. Минут через десять, смущенно озираясь, в залу вошел Петька с гармошкой-хромкой в руках и в заливчатски сдвинутом набекрень картузе. За ним семенил сияющий половой с бутылкой шампанского и бокалами.

Грубоватая музыка, полная дикой сибирской тоски и удали, разлилась в воздухе и заполнила собой все пространство.

— Господа купцы, а ну подсобите! — будто вырвавшись на волю из плена, радостно закричала Анна.

— Что вы, барышня, помилуйте. Мы люди степенные, не до плясок... — пробормотал седой купец, но его товарищ, зараженный этим вирусом веселья, уже скинул с себя сюртук.

Зазвенел разбитый «на счастье» бокал, и ритм танца, набирая обороты, понесся под горку. Забывший про свои обязанности половой стоял, облокотившись на дверной косяк, и, открыв рот, наблюдал, как посреди всего этого яркого, стихийно возникшего представления, словно охватившее сухие дрова пламя, танцевала и металась не то артистка, не то демон в юбке.

— Всех поить за мой счет! Чего ни пожелают!

Услышав шум и волшебное слово «угощают», в трактир, словно мухи на мед, стали слетаться прохожие. Через какие-то полчаса у Тихомировых яблоку негде было упасть.

Выплеснув что-то дикое и первобытно-яростное в танце, Анна с довольной улыбкой сытой львицы сидела и наблюдала за происходящим. Она была царицей этого карнавала.

Утром в дверь Анны постучал тот самый половой, что накануне организовал для нее гармониста, и с каким-то неистовым подбострастием доложил, что гостью ожидают. Федор Игнатьевич прислал «штрафной» экипаж и просил заехать, «если барышне будет угодно и время позволяет».

Время вполне позволяло. Несмотря на вчерашний кутеж, лицо Анны было свежим и ясным. На сборы ей потребовалось всего несколько минут, словно она была уже готова и знала, что произойдет заранее. Мягко и упруго, как цирковая пантера, артистка оригинального жанра спустилась вниз и села в ожидавший ее экипаж.

В приемной городского головы, также как и в прошлый раз, не было людей, но тишина теперь казалась какой-то особенно тревожной. Сам Федор Игнатьевич встретил вошедшую у двери. Судя по бледному лицу и кругам под глазами, он еще не ложился.

— Ну что, Анна Энгельгардт, — произнес градоначальник с тяжелым вздохом. — Весь город только и говорит, что о вашем вчерашнем... представлении у Тихомировых. Мне уже доложили, что вы устроили в трактире форменный дебош. Вы — скандал. И скандал этот находится в моем городе.

— И что же Вы теперь от меня хотите? — Он подошел к столу, но не сел. — Позволения на ваши «гипнотические

опыты»? Чтобы весь Нерехтинск сошел с ума, как вчера у «Тихомировых»?

— Помилуйте, Федор... как Вас по батюшке... Игнатъевич. Где уж тут дебош. Ну, повеселились немного. — В голосе Анны не было ни грамма светской жеманности, только странная прямолинейная и добродушная искренность, от которой почему-то пахло горячей сталью.

— Вчера хотела представление дать. Сегодня уже и не знаю. Раз Вы мне так сильно не рады... — Девушка с улыбкой развела руками. В этом жесте была не обида и не кокетливая попытка что-то выпросить, но абсолютное принятие. — А город ведь можно не только с ума свести, но и успокоить. Как и вашу мигрень...

Анна неожиданным стремительным, но в то же время органичным и плавным движением подошла к Федору Игнатъевичу и, с силой усадив его на стул, положила пальцы на виски. Градоначальник дернулся, но сопротивляться не стал.

— Да не бойтесь Вы, право. Я же не дикий зверь и зубами в вас не вцеплюсь. — Хищная улыбка заиграла на лице артистки, словно дразня собеседника.

— Вы вполне можете расслабиться, когда будете к этому готовы... Прямо сейчас или спустя мгновения... Расслабиться и отдать всю боль мне... Просто позволить ей изливаться, а я ее заберу...

— Я... — Федор Игнатъевич хотел что-то сказать, но его голос осекся. Может быть, от усталости или оттого, что ему

так хотелось ощутить снова ту вчерашнюю тишину. Тишину, за которую он, не торгуясь, отдал бы любой капитал.

Пульсирующая за левым виском боль, которая постоянно приходила к нему без приглашения последние десять лет, исчезла. Ушла без следа, как уходит вода в сухую, выжженную солнцем землю.

Вместо боли по голове, шее и плечам разлилось приятное бархатистое тепло и пришла тишина. Абсолютная, спокойная и непоколебимая, как горные вершины.

Судорожно вцепившиеся в подлокотники кресла пальцы разжались, а на щеках появился румянец.

— Как вы это... Что Вы... — Он медленно поднял руку и прикоснулся к своему виску, будто проверяя реальность происходящего. — Что Вы сделали?

— Забрала вашу боль, — Анна неожиданно весело рассмеелась, — так ведь гораздо лучше, правда?

Так было действительно гораздо лучше. Ощущение, рожденное этим странным разговором и касанием, было столь же мощным, как и действие морфия, которое Федору Игнатьевичу довелось испытать на себе во время Русско-Турецкой войны, — только лучше, глубже. Это была не просто эйфория. Это было освобождение.

— Народ, говорите, доволен будет... — неуверенно произнес голова. — Казну пополнить... Допустим, я Вам дам разрешение. Одно выступление. В народном доме. Но! — Его палец властно взлетел вверх. — Во-первых, никакой чер-

товщины. Во-вторых, цены на билеты утверждаю я. В-третьих, Вы будете под присмотром. Мой человек сядет в зале, и если что-то пойдет не так... Все закончится.

Несмотря на длинный перечень озвученных условий, это была капитуляция. Федор Игнатьевич удовлетворил просьбу странной артистки, которая каким-то мистическим, непостижимым образом смогла за пять минут избавить его от хронической боли.

— Не волнуйтесь. Вы меня еще благодарить будете... — В веселых глазах артистки зажегся грустный огонек — не уверенности, но знания. — И помнить будете. До конца жизни.

Оставшись один, градоначальник снова потрогал свои виски, точку между бровями, переносицу. Боли по-прежнему не было. Будто она и впрямь ушла, как уходит живое существо. Лишь одна упрямая мысль изредка нарушала тишину душевной идиллии тревожным шепотом, предупреждая о том, что он впустил в свой тихий дом совершенно непредсказуемого, неуправляемого хищника. И что с этим хищником делать теперь, он решительно не знал.

Зал народного дома был забит до отказа. Все хотели поглядеть на столичную барышню, которая появилась из ниоткуда и за пару дней сумела всколыхнуть тину местного сонного болотца. Истории об артистке оригинального жанра постоянно перерабатывались и дополнялись.

Набор сплетен был столь слоистым и многообразным, что их можно было разделить на категории. От бытовых и социальных: «из ссыльных и вообще нигилистка», «еврейка, оттого и одевается не по-нашему», — до скандальных: «и не артистка вовсе, а из цыганского балагана выгнали за распутство», «вчера к купцу Ермолаеву в карете возили», — и даже мистических: «кто на нее посмотрит, тот влюбится, как городской голова», «русалка или лешачиха, мужиков в лес заманивает».

Занявший место в первом ряду Федор Игнатьевич с трепетом ожидал начала представления и корил себя за то, что пошел на поводу у столичной артистки. Однако все тревоги городского головы оказались напрасны — никакого «скандала» не было. Анна начала выступление с обличительной речи о вреде суеверий. Затем показала несколько эффектных «опытов над волей», фокусов с угадыванием имен и чисел, а также «чтением» мыслей с последующим разоблачением всех ментальных трюков.

Завершилось выступление массовым гипнотическим внушением под аккомпанемент рояля.

Голос Анны летел над залом, укутывая, убаюкивая и заряжая слушателей силой, которую ощущает в себе хорошо выпавшийся человек после пробуждения.

— Ваше дыхание становится ровным и глубоким... Как дыхание спящего младенца... Каждый вдох приносит вам покой... Каждый выдох уносит прочь все ненужное...

— Прислушайтесь к тишине внутри вас — это тишина верноподданного сердца, которое бьется ровно... в унисон с миллионами других сердец... создавая могучий ритм верности...

— Когда я досчитаю до пяти... Вы откроете глаза... Исполненные силы и уверенности в завтрашнем дне... И этот покой станет вашим верным спутником...

Роялист в последний раз вдавил клавишу, и музыка, как сладкий дым, растворилась в воздухе. Веселый, беззаботный смех Анны смыл остатки морока, как пригоршня прохладной родниковой воды смывает ленивую дремоту.

— Вот видите, сколь могущественна может быть сила простого сосредоточенного разума. Сила, которой обладает каждый русский человек, верный Богу, Царю и Отечеству, — торжественно произнесла девушка.

После этих слов музыкант заиграл хорошо знакомую всем присутствующим мелодию. Зал, сплоченный единым порывом, встал и запел «Боже, Царя храни!».

Успех был оглушительным.

Добрую половину гонорара, полученного за концерт, Анна выложила перед оторопевшим хозяином трактира, который не видел гуляний такого размаха, пожалуй, ни разу в своей жизни. Шампанское лилось рекой. Откуда-то появились и цыгане с гитарами, прознавшие о невероятной барышне по своему, одним им известному «телеграфу». Танцевали в ту ночь абсолютно все. Анна сидела на почетном месте, принимала поздравления с успешным концертом, выслушивала местные истории и, в свою очередь, потчевала подходивших засвидетельствовать ей почтение гостей историями столичными.

Веселые и беззаботные, на первый взгляд, глаза артистки подмечали каждую деталь происходящего с фотографической точностью, а нечеловечески острый слух ее улавливал суть каждого разговора вокруг:

«...а цыган все одно зря пустили. Того и гляди, начнут по карманам шнырять...»

«...знаете, эти писатели нынче такие странные...»

«...с рыжего и молодого глаз не спускай. Начнут драться — в холодную...»

«...справедливость? Я двадцать лет верой и правдой, а он за взятку...»

«...смелость. Она едет одна и говорит, что думает, Соня!

Я тоже так хочу...»

«...только вот ружьишко твое старенькое менять пора, братец, а то...»

Внезапно из всего этого пестрого лоскутного одеяла внимание Анны выхватило чужеродный, совершенно неподходящий кусок ткани. За столиком в углу сидела молодая пара. Их реплики были короткими и туманными, а их внимание, хоть они и пытались это маскировать, было приковано исключительно к ней. На губах артистки появилась хищная улыбка.

Широко зевнув, Анна встала, накинула пиджак и тенью скользнула к черному ходу, чтобы подышать воздухом перед сном. Парень с девушкой осторожно, стараясь не привлекать внимания, пошли следом. Шли молча, изредка перекидываясь короткими, ничего не значащими для любопытного постороннего уха фразами.

Сразу за дверями балом правила тишина. В тот день она была какой-то неестественно густой и абсолютной. Будто сама ночь накрыла их толстым одеялом, соорудив маленький домик, за стенами которого остались танцы, музыка, разговоры, а внутри было лишь темное безмолвие.

— И что теперь? — неуверенно пробормотал парень. — Темно, хоть глаз коли.

— Постоим еще, пройдемся. — Голос девушки был гораздо более спокоен, но и в нем слышалась досада.

— Пройдетесь. Вон до той рощи. — Неожиданно за спи-

ной у наблюдателей, словно из-под земли, выросла фигура Анны.

Молодые люди вздрогнули. Они ожидали чего угодно, но не этой реплики за своей спиной, не этой дикой улыбки и не этого прожигающего насквозь взгляда. Только что они были охотниками, а сейчас зверь, по следу которого они шли, оказывается, за их спиной. Не рычит, не набрасывается. Просто стоит. Просто смотрит да улыбается. Зверь, после встречи с которым на конспиративную квартиру подпольщики больше не вернулись.

Содержание этого разговора осталось тайной за семью печатями. Ни одна живая душа не слышала, о чем говорила артистка с двумя членами революционной ячейки. Лишь темное небо Нерехтинска было немым свидетелем того, что произошло в тот вечер. Свидетелем, который по сей день хранит эту жуткую тайну и заговорит лишь тогда, когда солнце взойдет на Западе и закончится само время.

Совершив свою прогулку, Анна вернулась в зал, выпила кружку чая и пошла отдыхать наверх. Наполовину опустевший трактир после гулянки представлял собой что-то среднее между хлевом и полем боя. Половые подметали осколки разбитой посуды, вытирали столы и поднимали опрокинутую мебель. Одним из последних ушел приставленный для надзора за Анной человек из управы, черкнув нетвердым от выпитого почерком в своем блокноте: «Возвратилась въ номер».

— Вы?... — Вышедший на крыльцо парень в мешковатом пиджаке и косоворотке не успел договорить. Руки Анны, как две голодные змеи, метнулись к его горлу, и стальные пальцы намертво вмяли ему гортань, перекрывая кислород. Сопротивление было запоздалым, хаотичным и совершенно нерезультативным. Через какое-то время его тело обмякло, а глаза закатились. Внимательно следя за дверью, артистка не разжимала хватку еще несколько минут, пока не убедилась, что все закончено.

Будничным движением вытащила из сапога убитого нож, которым тот так и не смог воспользоваться, взлетела на крыльцо и со смертельной грацией нырнула в дом.

Получив короткий и точный удар ножом в сердце, ближайший к двери молодчик рухнул на пол, как мешок с картошкой. Еще трое сидевших за столом членов ячейки так и остались на своих местах, парализованные ужасом. Их разум смирился с гипотетической возможностью встретить смерть в борьбе за общее дело, но совершенно не был готов к тому, что смерть сама столь внезапно зайдет к ним в дом без всякого стука, как заходит хорошо знакомый гость.

Анна отодвинула стул и села.

— Сидите. Сидите, и трое из нас останутся в живых. — Спокойный, негромкий голос гостыи буквально ломал реаль-

ность. — Я отпущу вас позже. Я уберу свинцовую тяжесть, которой сейчас налились ваши руки и ноги. Когда видишь смерть так близко, сами мысли становятся тяжелыми, что пудовые гири в болоте. Сердце колотится, как пойманная птичка, правда?

Девушка вытерла о скатерть окровавленный нож и положила его на стол.

— Ты можешь попробовать взять этот нож, товарищ Набат, — обратилась артистка к руководителю ячейки, — попробовать и убедиться, что руки не слушают тебя... Пошевелить пальцами и понять, что они окаменели... Как окаменели мысли, скованные льдом.

Речь Анны была текучей, как ручей. Некоторые слова она произносила громче и резче, словно вколачивая гвозди, затем снова обволакивала и снова била.

— И в какой-то момент понять, что единственные оставшиеся мысли — мои. И они звучат громче всего... Они говорят, что ты пойдешь на площадь, разденешься догола и с криком бросишься на городского... А потом наступит тишина. Без мыслей. Сейчас я освобожу твои ноги и руки... Ты можешь встать сразу же или спустя несколько мгновений.

Тот, кого Анна назвала Набатом, медленно, преодолевая сопротивление густого, как смола, воздуха, встал. Также медленно сжал и разжал пальцы.

— Пошел!!! — резко и оглушающе громко выкрикнула Анна.

Охваченный непонятным мороком Набат, шатаясь, будто пьяный, исчез в дверях. Пронзительный взгляд артистки упал на двух совсем молоденьких членов ячейки, которые с трудом дышали, придавленные неподъемным ужасом.

— Ну, вот и все. — Девушка развела руками.

— Вы же... Вы его убили... — смог наконец выдать из себя один из парней.

— Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать... — В голосе Анны не было сожаления, лишь констатация печальной истины. — Но у вас еще есть шанс. Вы еще не кривые. Вы уедете и забудете все происшедшее как кошмарный сон. Пламя революции пожирает своих детей. Вас оно только лизнуло.

— Мы уедем, — торопливо выпалил второй. — Отпустите нас... пожалуйста.

— Живите и помните про этот ожог, — произнесла Анна напоследок и покинула дом вслед за обреченным Набатом. Она исчезла так же спокойно и стремительно, как появилась.

«Именно так врывается в нашу жизнь сама смерть», — годы спустя напишет в своих мемуарах один из бывших подпольщиков. Тот самый, что с детским страхом в глазах умолял о пощаде. «Вы спокойно живете, мечтаете, строите планы на будущее, а потом приходит она. Приходит и ставит точку, когда этого совершенно не ждешь. Её нельзя ни купить, ни разжалобить. В тот день она позволила нам жить, потому что мы были глупыми, романтически настроенными

ягнятами, и нас еще можно было «выпрямить».

Федор Игнатьевич открыл графин и налил водки сперва полицейстеру, затем себе. Ледяная прозрачная жидкость с мягким журчанием до краев заполнила хрустальные рюмки.

— Да, Семён Петрович... Крутая каша у нас тут заварилась. — Голова с точностью ювелира подвинул стопку своего собеседника, не расплескав ни капли. — Сколько служу, а такое впервые...

— Это верно, — кивнул полицейстер, промокая салфеткой свою бритую наголо голову. — Ну, в итоге-то все как славно обернулось, а?

— Славно... — словно пробуя слово на вкус, повторил голова. — Артистка эта инфернальная, что за два дня весь город вверх тормашками перевернула, бомбист свихнулся и поубивал своих же товарищей. Влюбленная пара в городской роще повесилась...

— Это все, друг мой, мистика, лирика и теории заговора, — покачал головой Семён Петрович. — А в действительности что? В результате нашей с вами совместной работы уничтожена террористическая ячейка. Найден склад с оружием и взрывчаткой. Выжгли заразу, так сказать, каленым железом! А студенты нынче с эдакой меланхолической придуры... То стихи пишут, то влюбляются, то вешаются.

Голова неопределенно хмыкнул, опрокинул стопку и за-

кусил аппетитным кусочком слабосоленой семги.

— Когда меньше знаешь, оно спокойнее, конечно, а все одно интересно. Она ведь так и написала в своем письме: «Во время вчерашних гуляний случайно услышала информацию, которая может быть вам полезна. В подполе заброшенной делянки к северу от урочища Белого располагается склад с оружием». Во время гуляний. Случайно.

Последние слова Федор Игнатьевич произнес с ироничным нажимом, желая особо подчеркнуть всю смехотворность самой возможности подслушать подобный разговор ненароком.

Вот и гадай теперь... Что это было: Охранка? Особый отдел? Или и впрямь... бесовщина.

Полицмейстер лишь многозначительно развел руками, давая понять, что вопрос этот лежит далеко за границами его компетенции, и, в свою очередь, наколот роскошную закуску на вилку.

Федор Игнатьевич откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Тишина. Чистейшая, как родниковая вода, тишина заполнила его кабинет, здание управы, весь бурливший недавно Нерехтинск. Город продолжал жить своей жизнью. Как и прежде, скрипели телеги, ржали лошади, звонили колокола, лаяли собаки, стучали молотки, ворчал старый рынок, играла гармонь и свистели городовые, но уже как-то иначе, словно саму провинциальную нерехтинскую действительность сперва довели до истерики, а потом искупали в

кристальной, обеззараживающей тишине. А может быть, все было как прежде, и это ему лишь казалось? Градоначальник привычным движением дотронулся до висков и переносицы. Боли не было.

Скорый сибирский поезд, плавно покачиваясь, мчался вперед. Анна сидела за столиком ресторанного вагона первого класса с чашкой ароматного мокко. Вечер за окном превратил стекло в зеркало, в котором отражался роскошный интерьер и высокая темноволосая девушка в деловом костюме с галстуком. Пар от кофейной чашки поднимался, словно джинн из восточных сказок.

— Простите, что нарушаю Ваше уединение. — У стола остановилась незнакомка приятной наружности в длинном узком платье и с золотым моноклем на цепочке. — Все остальное пространство заполнено дымом и запахом коньяка. А здесь... пахнет независимостью и свободой. Вы позволите?

— Конечно. — Анна гостеприимно кивнула на место напротив. — Если я не ошибаюсь, Зинаида Гиппиус? А я Анна. Независимость — понятие относительное, а свободы не существует. По крайней мере, абсолютной.

— О, Вы не только знаете меня в лицо, но и готовы сразу к сути? Как освежающе... — Гиппиус с интересом посмотрела на свою собеседницу. — Смелое заявление для женщины, которая носит мужской костюм и ездит в купе первого класса.

— Вероятно, ты думаешь, что в этом стиле есть какой-то

манифест, но, по правде говоря, это не так. Мне просто нравится, только и всего. Иногда все гораздо проще, чем нам кажется. — Неожиданно в глазах Анны зажегся озорной огонек. — У тебя такая смешная фамилия. Звучит очень забавно.

— В точку! — Зинаида громко расхохоталась, заставив посетителей вагона на мгновение умолкнуть и обратить на нее внимание. — Мне и самой все время казалось, что она похожа на название какой-то экзотической птицы. А кто Вы? Артистка? Нигилистка? Авантюристка?

При слове «авантюристка» губы Анны изогнулись в улыбке. Затем ее лицо снова стало серьезным и загадочным.

— Я — коллекционер.

— И что же Вы коллекционируете? — Бабочек? Или, может... человеческие души?

— Разговоры с выдающимися и интересными людьми. Вроде тебя.

— Ах, вот как... — Зинаида откинулась на спинку, смакуя ответ своей собеседницы. — Как изящно. Значит, я теперь часть коллекции? И какая графа мне уготована в Вашем каталоге? Поэтесса-декадентка?

— Нет никаких граф, — простодушно развела руками Анна. — Возможно, я просто пытаюсь играть в дружбу, которой меня не научили.

— Боже... Игра в дружбу... — Лицо Гиппиус внезапно смягчилось. — А я всю жизнь играю в любовь. Похоже, мы

из одного театра...

— А почему не любить по-настоящему? Боишься сгореть? Или не умеешь жертвовать?

— Я сгораю каждый вечер в салоне во время поэтических чтений и в спорах с Мережковским. Утром встаю из пепла. Как та самая редкая птица Гиппиус, — Зинаида изящно отшутилась, но где-то глубоко внутри вздрогнула от вопроса Анны, как от удара, попавшего точно в цель.

— Я когда-нибудь найду к тебе в салон. Ты не против? Правда, вероятно, несколько шокирую его завсегдатаев...

— Против?! Я требую! — Глаза Зинаиды вспыхнули азартом. — Представлю Вас как тунгусскую принцессу и шаманку. Вот это будет образ! У Вас есть что-то этническое?

— Тунгусскую? — Анна засмеялась. — Разве я похожа на тунгуску? Пожалуй, у меня есть ожерелье из медвежьих клыков, которые я сама вырезала из пасти зверя, подойдет?

— Похожи, не похожи, это все неважно, — махнула рукой Зинаида. — Потрясающе. Непременно наденьте! Вы принесете с собой сибирский холод и настоящую смерть, а Ваша история будет интереснее, чем все их стихи.

Когда Гиппиус ушла в свое купе, Анна заказала себе еще одну чашку мокко. Она смотрела на темные пейзажи за окном и на свое отражение в стекле. Смотрела и думала о том, что ее коллекция пополнилась на одного друга...

Двери шинка в Семиречье распахнулись, впуская Анну внутрь. Резкий запах дешевого табака ударил в нос первым, затем обоняние вошедшей распознало что-то похожее на жареную рыбу и кукурузу. Тишина накрывала зал постепенно, волнами, по мере того как Анна шла к стойке. Первыми замолчали игравшие в карты греческие матросы с темными, как маслины, лицами. Их многое повидавшие глаза расширились: на шее у незнакомки висело ожерелье из медвежьих клыков с бурыми пятнами давно засохшей крови. Ее красная, как языки пламени, рубаха идеально дополняла образ, сообщая ему что-то колдовское, дикое, воинственное.

Спокойно куливший седой казак вынул изо рта люльку и перекрестился. О чем-то спорившие молдаванин и цыган осеклись на полуслове и перестали жестикулировать.

Шинкарь Абрам замер. Его взгляд скользнул по темным пятнам крови.

— Пани... — Тонкие губы хозяина беззвучно шевельнулись, а подрагивающая рука указала на клыки. — А це... це Вам на що?

Анна чуть наклонилась вперед и зловеще прошептала:

— Щоб з хитрих шинкарів душу виймати! — Ее рука метнулась вперед к его вороту. Шинкарь отпрянул, и... гостя, довольная своей шуткой, разразилась звонким хохотом.

— Тюю! Який же ти, голубчик, пугливий. Охотница я. А это на память из пасти шатуна вырезала.

Бледный как мел Абрам с трудом сглотнул и заставил себя улыбнуться. Казак с люлькой громко захохотал, и уже через мгновенье к нему присоединились все присутствующие. В этом смехе чувствовалось и облегчение, и новое уважительное любопытство.

Не успел затихнуть хохот, как гостя сунула руку в дорожную сумку, извлекла оттуда пачку купюр и хлопнула ее на стол.

— Неси всего наилучшего. И всех поить за мой счет, а то шибко грустные да тихие. И музыкантов! Непременно музыкантов!

Абрам преобразился. Лицо шинкаря расплылось в теперь уже абсолютно искренней, сияющей, широченной улыбке. Он выставил на стойку несколько бутылок с горилкой из «особого» ящика с печатью одесского завода, смахнул крошки со стола Анны чистым полотенцем.

— Пани, сию минуту все будет, сию минуту... — бормотал Абрам, и в его голосе слышался азарт. Только что дрожавшие руки теперь двигались с какой-то сверхъестественной скоростью и ловкостью.

— Ты слышал пани? — Шинкарь ухватил мальчика-слугу за плечо. — Все лучшее! Бегом за цыганами!

Весть о «пани, что всех угощает» распространилась по Семиречью быстрее пожара. Люди приходили не только выпить

за счет гостыи, но и просто посмотреть на это неожиданное торжество и его виновницу.

Анна с каплями пота на лице от неистовых танцев по своему обыкновению сидела на лучшем месте и с довольной, слегка дикой улыбкой наблюдала за весельем, потягивая кроваво-красное вино. Ее слух выхватывал из общего шума обрывки фраз на разных языках и диалектах. Шинок в тот день был похож на большой плавильный котел, в котором бурлило и пенилось варево из доброго десятка национальностей. Абрам совершенно забыл свой испуг и готов был носить на руках гостью, которая за один вечер принесла ему больше прибыли, чем все его посетители за месяц.

Когда Анна спустилась к завтраку, за столиком ее уже ожидал представительный мужчина в костюме. Если не считать невыспавшегося мальчика-слугу, который с унылым видом подметал пол, зал был абсолютно пуст.

«Все праздники рано или поздно заканчиваются, оставляя после себя лишь грязные полы да битую посуду», — подумала девушка, обзревая место вчерашнего кутежа, и в очередной раз отметила скоротечность и временность всех земных радостей.

Легкой упругой походкой большой кошки Анна подошла к незнакомцу и села напротив.

— Вы ведь пришли ко мне? — На ее лице появилась улыбка. — С кем имею честь?

— Восхищен Вашей проницательностью, сударыня. — Мужчина приподнял шляпу в знак приветствия. — Меня зовут Леон, и я представляю интересы Марка Ароновича Мельцера, имя которого здесь известно каждому.

Услышав имя человека, по поручению которого пришел посетитель, мальчик спешно подхватил свой веник с совком и ретировался на кухню. Меньше всего ему хотелось оказаться свидетелем этого разговора и услышать то, что не было предназначено для его ушей.

— Анна Вяземская. Можно просто Анна. — Бархатный,

грудной и в то же время полный внутренней силы голос девушки обволакивал и ласкал слух. — Чего же от меня хочет Марк Аронович Мельцер, чье имя здесь известно каждому? Позвольте мне угадать... Он хочет засвидетельствовать свое почтение и приглашает составить ему компанию, чтобы понять, что за диковинная птичка залетела в Семиречье и сорит деньгами, как эмир бухарский?

Квадратное волевое лицо Леона, явно не ожидавшего такого резкого поворота в разговоре, неуловимо напряглось, но уже спустя мгновение мужчина расплылся в широченной улыбке.

— Туше! И я снова аплодирую Вашей проницательности! Ваше вчерашнее... гуляние красноречивее любых слов говорит о том, что Вы барышня неординарная и к тому же с солидным капиталом. Марк Аронович был бы рад познакомиться с Вами поближе.

Из-за кухонной занавески показалось и тут же исчезло любопытное лицо шинкаря Абрама. Мальчик-слуга, которому хозяин не позволил «отсидеться» на кухне, поставил на стол небольшой чайник с вмятиной на боку и кружки с блюдцами из особого сервиза, используемого исключительно для важных гостей.

— Я не конкурент и не источник проблем для Вашего хозяина. — Анна совершенно искренне улыбнулась и развела руками, как бы демонстрируя открытость и полную прозрачность своих намерений. — А идея познакомиться мне нра-

вится. Тем более что мы с вашим Марком Ароновичем могли бы быть весьма полезны друг другу...

— А Вы, судя по всему, любите решать вопросы сразу, не разводя ненужные церемонии. — Леон одобрительно кивнул. — В таком случае господин Мельцер будет весьма рад отужинать с Вами в «Европейском» в семь. Если Вам удобно, то экипаж будет ждать Вас у входа в шинок.

— Хорошо, — пожала плечами Анна. — Я сегодня совершенно свободна.

— В таком случае до вечера. — Человек Мельцера учтиво кивнул и удалился, так и не притронувшись к чаю.

Задачей Леона было лишь установить контакт и пригласить Анну на встречу с Мельцером; он не спрашивал ни откуда она приехала, ни чем занимается. Однако эта короткая беседа оставила в его сознании твердую убежденность в том, что богатая гостья — крайне темная личность авантюристичного склада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.